

A movie poster featuring a blonde woman in a white shirt in the foreground, looking intensely at the camera. In the background, a man in a suit stands with his arms crossed, and a couple is seen kissing. The setting is a city at night with blurred lights.

Зоя Берг

ПРЕДАТЕЛЬ.
ТЫ ОТВЕТИШЬ ЗА ВСЕ!

Зоя Берг

Предатель. Ты ответишь за все!

«Литнет»

2026

Берг З.

Предатель. Ты ответишь за все! / З. Берг — «Литнет», 2026

- Я. Не. Хочу. Детей, - цедит по словам. - Залетела – ну так и решай. Я-то тут при чем? Медленно поднимаю взгляд. - Ааа, - хлопает себя по лбу. - Тебе денег на врача подкинуть? «На врача? Подкинуть?». — Иди нахер, Лешенька, — вырывается из меня...Аннотация Я - беременна. Он ответил: «Я люблю другую. А ты как липучка, детка. Не нужны мне ни ты, ни твой ребёнок». Я не плакала. Ну... почти. Я придумала план: Руслан Велехов, девелопер, бывший любовник. Холодный. Опасный. Злопамятный. Идеальный инструмент мести. Только вот влюбляться в инструмент я не собиралась...Маруся – сильная, дерзкая, но уязвимая. Велехов – властный, расчетливый, но одинокий. Лешенька – мудака, изменивший и бросивший беременную женщину. (А как еще таких мужчин можно называть?)18+Книга будет бесплатна в процессе Роман пишется в рамках литмоба «Бывшие. Месть негодяю»

© Берг З., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	25
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	36
Глава 12	40
Глава 13	43
Глава 14	47
Глава 15	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Глава 1

«Сука! Сука! Сука! Две полоски... Твою ж мать!».

Тест падает на пол туалета пафосной «Кофемании». А я медленно опускаюсь на крышку унитаза, откуда только что вскочила.

- Ну что же, дорогая, поздравляю. Очень вовремя! – почти ору. За дверью кто-то деликатно кашляет.

А я закусываю губу и пялюсь на тест, который лежит на дорожке итальянской плитке. И думаю о том, что жизнь – очень смешная штука. Особенно когда – в последнее время – чувствуешь, что что-то не так. Не с животом – с ним как раз проблем не было.

С ним.

Все реже остается у меня. Прячет телефон... Я не параноик. Я маркетолог. Я замечаю детали – это у меня проф-деформация.

Поднимаю тест, убираю в сумку. Потом рывком поднимаю на ноги себя. Смываю воду – просто так, для порядка. Выхожу из кабинки. В зеркале на меня смотрит Маруся Чашина, двадцать шесть лет, и, по всей видимости, уже не одна.

- Ну, – говорю я своему отражению. – Мы, кажется, влипли.

Он открывает дверь в домашних футболке и брюках. И даже в этой простой одежде он красив как модель из рекламы какого-нибудь дорогого мужского парфюма. Два года я смотрела на это лицо и думала: мне повезло.

«А ведь я уже думаю о тебе в прошедшем времени...».

- Ты не предупредила, – стоит в дверях.

- Сюрприз, – выдавливаю улыбку и протискиваюсь мимо него внутрь.

Квартира пахнет кофе и чем-то еще. Легким, цветочным. Женские духи? Явно не мои. Я предпочитаю свежие морские запахи.

- Ну? – складывает руки на груди. – Что случилось?

Достаю тест. Кладу на стеклянный журнальный столик рядом с книгой о саморазвитии, которую он никогда не читает и свечой из дорожущего бутика ручных изделий, которую никогда не зажигает.

- Вот, – поднимаю на него глаза.

Он смотрит на тест. Потом на меня. Глаза сужаются. В них – злость? Или страх? Или... презрение?

«Понятно...».

- Это не мои проблемы, – пожимает плечами.

Вот так. Четыре слова. Без паузы, без «подожди», без «давай поговорим». Просто – не мои проблемы. Горло сжимается.

«Нет, не сейчас! Никаких слез!»

- Интересная позиция, – произношу тихо, ровно. Почти получается. – И с чего бы вдруг? Кажется, не я одна участвовала в мероприятии...

- Я не хочу детей, – он смотрит мне в глаза совершенно спокойно. – И не говори, что ты об этом не догадывалась.

Опускаю глаза.

- Я... не... хочу... их... в принципе, – цедит по словам. – Залетела – ну так и решай. Я-то тут при чем?

Медленно поднимаю взгляд. Да, я предполагала, что бурной радости не будет. Ждала испуг, или растерянность, или хотя бы нормальный скандал. Но вот эта ровная ледяная холодность...

- А, - хлопает себя по лбу. - Тебе денег на врача подкинуть?
«На врача? Подкинуть?».
- Иди нахуй, Лешенька, - вырывается из меня.
Моргают. Потом губы начинают кривиться.
- Слушай ты...
- Нет, это ты послушай, - вскидываю руку. - Ты только что предложил мне деньги на аборт вместо того, чтобы... просто... просто поговорить?
- О чем поговорить? Я не хочу никакого ребенка. Поняла?
- Какой же ты... зайчик, - шепчу. - Белый, пушистый, мудацкий зайчик-побегайчик. А кстати! – делаю большие глаза. - А она в курсе что ты не хочешь детей?
- Кто? – выплевывает.
- Да какая теперь разница? – разворачиваюсь, делаю шаг к двери.
- Стоять! – хватается меня за плечо, разворачивает лицом к себе.
- Передумал? – растягиваю губы в улыбке.
- Как же ты мне надоела, - произносит он - и в голосе появляется что-то новое, почти безразличное. - Ты как липучка. Прилипла к подошве и хрен очистишь. А она... Она клевая. Легкая. Смешная. В отличие от тебя. Поэтому пока, детка. Мне не нужны ни ты, ни твой ребенок. Я чувствую, как сжимаются зубы.
«Детка».
- «Не нужны».
- Спасибо, - тихо, почти не разжимая челюсть. - Это было важно услышать.

Глава 2

На лестничной площадке я стою, держа спину ровно. С абсолютно спокойным лицом. Двери лифта открываются. Захожу. Нажимаю кнопку первого этажа.

Двери закрываются - я медленно сползаю по стенке на пол.

«Дыши, дура, дыши!»

Больно. Господи. Как же больно.

Я засовываю кулак в рот и впиваюсь в него зубами. Чтобы не заорать. Чтобы не зарыдать в голос.

«Липучка? Потому что любила? Потому что верила, что у нас может быть какое-то будущее? Потому что хотела быть с ним рядом? Просто быть рядом...».

Лифт останавливается. Двери начинают расползаться в стороны.

Я рывком поднимаю себя на ноги. Бросаю взгляд в зеркало. Смахиваю со щек темные ручейки туши. А потом быстрым шагом иду из подъезда.

На улице останавливаюсь. Понимаю, что забыла, где припарковалась.

Моргаю.

«Соберись. Теперь тебе нужны силы».

Так.

Тачка.

И?

Сергея Мухин!

Сергея живет в десяти минутах. Лучший друг Лешки с универа, знает все его секреты, боится конфликтов как огня. Идеальный источник.

Я звоню в домофон.

- Кто? - осторожно.

- Маруся. Открывай.

Пауза.

- Маруся, я...

- Сергей. Я не уйду пока не откроешь.

Раздается писк.

Захожу, поднимаюсь на третий этаж. Он уже стоит в дверях в футболке с динозавром. Выглядит как человек, которого поймали на месте преступления.

- Маруся? Что случилось?

- Можно войти? – киваю на проход.

Он делает шаг назад и пускает. Сергей не умеет говорить «нет» женщинам. Я это знаю.

Захожу. Сажусь на диван. Мне сейчас надо. Потому что ноги меня не очень держат.

- Ты чего? – в его глазах испуг.

- Кто она.

- Маруся...

- Сергей. Кто она.

Он смотрит в пол. В стену. В потолок. Потом выдыхает.

- Лиана какая-то. Я особо не в курсе.

- Фамилия.

- Не знаю фамилию, честно. Борцова? Боровкова? Что-то такое.

Киваю. Встаю. Ухожу не оборачиваясь. Он не останавливает.

В машине включаю обогрев и печку на полную. За окном жаркий август. Но меня трясет, как будто я внутри снежной бури.

«Так. Какая-то Лиана».

Нахожу быстро. Ну в принципе не удивительно. Была бы Маша Иванова – пришлось бы сыщиков нанимать.

Лиана Боркова. Двадцать лет, каштановые волосы, дорогая белозубая улыбка. Последнее фото - веранда какого-то ресторана. Она и Алексей.

Лешенька. Зайчик-побегайчик мой ненаглядный.

Она смеется, он смотрит на нее как на приз.

Я листаю дальше.

Борков Геннадий Игоревич. «Борков Медиа». Рекламный холдинг, средний масштаб, большие амбиции. Обслуживает в основном девелоперов.

«А что если... если он не просто влюбился?».

«Да, красивая. Да, младше меня. Да, с грудью и ногами от ушей».

«Но ведь еще и очень богатая!».

Значит Лешенька ставку сделал?

Ну что же. Ставку можно и перебить.

Я закрываю соцсети.

Открываю контакты.

Имя, которое я не набирала два года смотрит на меня с экрана.

Велехов Р.

«Ты серьезно?».

Смотрю на имя. Думаю про Лешку, про «липучку», про «на врача».

Думаю про маленький тест в сумке.

«Да».

«Абсолютно серьезно».

Нажимаю вызов.

Роман пишется в рамках литмоба «Бывшие. Месть негодяю»

<https://litnet.com/shrt/5cKp>

«Любовь, измена, месть: беременную, брошенную ради дочери босса, спасает и берет в жены ее богатый бывший...».

"Бывши

Глава 3

Он берет трубку после второго гудка.

- Чащина, - басит.

Не «привет», не «сколько лет» - просто моя фамилия, как будто мы расстались вчера.

- Руслан Андреевич, - тон максимально нейтральный, деловой. - Мне нужна встреча.

Пауза три секунды. У другого человека я бы не заметила, но Рус молчит особенно. Как будто взвешивает.

- Завтра. Десять утра.

И вешает трубку.

Ни «зачем», ни «по какому поводу».

Я смотрю на телефон.

Просто - завтра. Десять утра.

Два года не виделись, а он все такой же.

Ночью я не сплю и репетирую речь.

Она должна быть деловой. Конкретной. Без лишних эмоций, без предыстории, без объяснений зачем мне это нужно. Просто предложение - четкое, выгодное, с понятной механикой.

К часу ночи у меня готов текст на полторы минуты. К полвторому я его сокращаю до сорока секунд. К двум понимаю, что все равно не засну. Вытаскиваю себя из кровати, иду на кухню.

Включаю лампочку над плитой, щелкаю чайник, сажусь на табуретку.

«Мне не нужны ни ты, ни твой ребенок».

«Окей, Леишенька, окей».

Кладу руки на живот. Сколько тебе? Недели две, не меньше. Это был наш последний раз. А потом все как-то... не складывалось.

«Зато с той Лианой, видимо, отлично сложилось».

Интересно, а они... давно? И что он ей говорил про меня? Или «меня» вообще не было ни в какой форме? А потом что? Он планировал тихо слиться? Или держал как запасной аэродром, если там не выгорит? Судя по тому, что он мне про нее сказал – все отлично выгорело.

«Вот же... твою же...».

В горле образуется комок. Начинают дрожать губы. Перехватывает дыхание. А в груди... в груди зарождается вопль. Горький. Болезненный бабский несчастный вопль.

- Мудак, - шепчу я не давая себе воли в крике, - Какой же ты мудак.

«Ты ведь давно подозревала, просто не хотела туда смотреть».

Чайник наконец закипает.

Я встаю. Сейчас мне нужно... что мне нужно?

Так. Вот что. У меня где-то был ромашковый сбор. И даже, кажется, мята. Мама привозила.

«Маме говорить пока нельзя. У нее будет инфаркт».

Я открываю шкафчик. Сгребаю все коробки и скидываю на разделочный стол.

- Мята, мята, мята, - шепчу как заклинание. – Мне нужны мята и ромашка.

Наконец нахожу, насыпаю прямо в чашку, заливаю кипятком. Вдыхаю аромат. Жесткий ком в груди чуть-чуть уменьшается.

- Ничего, - я выдыхаю, - Ничего. Прорвемся.

Пять минут и чай можно прихлебывать. Ромашка...

Первое свидание. Он опоздал на двадцать минут. Я уже собиралась уходить. А тут он - запыхавшийся, с охапкой полевых ромашек. Сказал тогда, что ехал с дачи, нарвал по дороге... Поставила их в банку – вазы у него дома не оказалось. К утру они завяли, но это было неважно.

«Нам же было хорошо, ну было же!».

Новый год у его друзей - мы танцевали в три ночи на кухне под чью-то акустическую гитару. А однажды я позвонила ему в слезах - завалила важную презентацию, клиент был в ярости. И он приехал. Мы сидели в машине, он молчал и держал меня за руку.

Я тогда подумала - вот. Вот это настоящее.

«Дура».

Нет. Не дура. Это было настоящим - тогда.

Или выглядело настоящим.

«Или я очень хотела, чтобы выглядело».

Но было и другое.

Он умел исчезать. Не уходить - именно исчезать. Отвечал на сообщения через несколько часов, иногда утром следующего дня. «Работал». «Устал». «Телефон был на беззвучном».

А однажды мы поспорили - из-за чего, уже не помню. Что-то мелкое, бытовое. И он встал. Оделся. Ушел. Не хлопнул дверью - просто ушел. Молча. С таким лицом как будто я пустое место, не нуждающееся ни в каких разговорах.

Я тогда сидела на диване и думала - это нормально? Вот это нормально - когда человек просто встает и уходит, не сказав ни слова?

Решила, что нормально. Что у всех так бывает. Что я слишком много требую.

«Вот это была дура».

А еще - он никогда не говорил «люблю» первым. Я говорила. Он отвечал. Или просто молчал и целовал меня в висок. И я решала, что это тоже считается.

Я поворачиваюсь к окну. Там уже совсем светло.

Кладу руку на живот.

И мне вдруг кажется, что крошечная точка во мне была там всегда. И когда мы ругались, и когда мирились. И когда я думала, что молчание и поцелуй в висок считается.

«Тебя еще не было, но ты уже был».

Странная мысль.

Встаю. Иду в спальню. Ложусь.

«Тебе сейчас хорошо. Просто тепло и тихо. Да?».

«Я тебе даже завидую».

«И боюсь. Немного»

«Нет, вру. Очень сильно боюсь».

Глава 4

Офис Велехова находится в деловом центре на Пресне - стекло, бетон, все серьезно и без украшений. Как сам Велехов, в общем-то.

Я приезжаю в десять ноль пять. Не в десять ровно - это выглядело бы как старание. Не в девять пятьдесят пять - это выглядело бы как нервы. Десять ноль пять - это про меня. Про ту меня, которую он помнит. Секретарь на ресепшне поднимает глаза.

- Маруся Чащина, - говорю я. - К Велехову.

Она что-то проверяет. Кивает.

- Проходите.

Кабинет большой и почти пустой. Никаких дипломов на стенах, никаких семейных фотографий на столе. Панорамное окно, вид на город, стол из темного дерева. За столом - он.

Сорок один год. Темноволосый, с первой сединой на висках. Не глянцевого красавчика. Из тех лиц, которые становятся интереснее с возрастом. Встает, когда я вхожу. Это неожиданно - я забыла про эту его привычку. Смотрит на меня - спокойно, внимательно, как будто я задача, которую он уже почти решил.

«Не смотри на его руки» - говорю я себе.

Смотрю на его руки. Я помню их. Они жесткие, сильные и горячие. Очень-очень горячие. Сглатываю, стараясь, чтобы он не заметил.

«Отлично, Маруся. Молодец».

- Чащина, - шурится. - Садись.

Я сажусь. Достāju телефон - там тезисы, так надежнее.

- Я по делу, - начинаю я.

- Вижу.

- У меня есть предложение. Конкретное, с понятной выгодой для обеих сторон.

Я смотрю в телефон. Потом убираю его - не надо, я помню.

- Есть такой медиа-товарищ Геннадий Борков. Насколько мне удалось узнать, он подгребаёт под себя всех девелоперов. И либо придет, либо уже пришел к тебе с супер-выгодным предложением.

Рус приподнимает одну бровь.

«Ага, значит уже пришел».

- Так вот, если ты не подпишешь с ним контракт, я буду не просто благодарна. Я отработаю. Во-первых, найду тебе варианты лучше Боркова, если они тебе в принципе нужны. Во-вторых, буду работать на тебя бесплатно. Шесть месяцев. Полный цикл - стратегия, тексты, контент. Ты знаешь, чего я стою.

Я замолкаю. Рус смотрит на меня. Молчит - своим фирменным молчанием, которое занимает все пространство в комнате.

- Почему Борков? - говорит он наконец.

- Это не важно для сделки.

- Для меня важно.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня. Я понимаю, что он будет сидеть вот так - спокойно и бесконечно - пока я не отвечу.

- Это... это личное, - бормочу.

Глаза становятся темнее.

- Понятно, - говорит он.

А потом откидывается на спинку кресла.

- Нет, - качает головой.

- Нет?

- Нет. Мне не нужно, чтобы ты на меня работала.

Я открываю рот. Закрываю. Это не тот ответ, который я представляла. У меня нет заготовки под «нет», потому что отказаться от такой сделки - это коммерческая глупость, а Рус Велехов точно не глупый.

- Не нужно..., - я лихорадочно пытаюсь сообразить, - Чтобы я на тебя работала... Но... Тогда чего ты хочешь?

Он смотрит на меня. Спокойно. Почти бесстрастно - если бы не глаза. А потом усмехается:

- Тебя.

Глава 5

"Хочу тебя. Тебя?!".

Два года назад если эти слова и висели в воздухе между нами, то так и не были произнесены. Вернее, если говорить про "хочу" - то да, секс у нас был. Но я тогда решила, что это все ни о чем - просто служебный романчик. Ну переспали несколько раз. Я - свободна, он - свободен. Просто секс, ничего больше.

Потом появился Лешка с его невозможно красивой мордой, ромашками, глянцевой улыбкой и стильными татуировками. И я просто развернулась и ушла. Не сомневаясь ни в чем. Не объясняя ничего.

А сейчас он говорит это таким тоном, что речь как будто идет вообще не о постели.

У меня неприятно екает где-то в районе желудка.

Или не желудка.

«Прекрати вибрировать».

- Руслан Андреевич...

- Рус.

- Хорошо. Рус, - я делаю вдох. - Я пришла с конкретной сделкой. У меня есть что предложить и есть что попросить взамен. Это честно и это выгодно. Зачем усложнять.

- Ты пришла ко мне, потому что у тебя «личное», - усмехается. - Это не просто сделка, Чашина.

Я смотрю на него.

Он смотрит на меня.

За окном - шумят город, машины, обычный вторник.

"Вот зараза".

- Условия? - небрежно. Ну почти.

Он чуть заметно - совсем чуть-чуть - улыбается.

- Ты рядом. На публике. Столько, сколько нужно. И не только на публике. Ты переедешь ко мне.

Я моргаю.

- Ты серьезно?

- Абсолютно.

Я делаю вдох.

"Ладно. Ладно, Маруся. Думай".

Поднимаю глаза на Руса. Думаю про зайку-побегайку с его «я не хочу детей». Про Лиану Боркову на веранде. Про «детка, мне не нужны ни ты, ни твой ребенок».

"Ты сюда не за этим пришла".

"Знаю, но планы могут быть скорректированы".

- Борков не получает контракт, - говорю я.

- Борков не получает контракт, - повторяет он.

- Тогда договорились.

Я встаю. Протягиваю руку - по-деловому, пусть знает, что я контролирую ситуацию.

Он встает. Берет мою руку. Большой палец едва касается запястья. Там, где пульс. Он не жмет, просто держит. И прикосновение его рук отзывается... жаром.

Я задерживаю дыхание. Чтобы он не услышал, как оно сбивается

"Беременность, - говорю я себе строго. - Гормоны. Исключительно гормоны".

- Маруся, - негромко, чуть насмешливо.

Не «Чашина» - «Маруся». Первый раз за всю встречу.

- Что.

- Ты не сказала, что именно личное у тебя с Борковым.

- Нет, - соглашаюсь я. - Не сказала.

Смотрит. Смотрю. Молчит. Молчу.

Приподнимает бровь и... отпускает мою руку.

Разворачиваюсь, выхожу. Физически чувствуя его взгляд. Тяжелый.

Оценивающий только что заключенное соглашение.

В лифте смотрю на свое отражение.

- Ты только что согласилась непонятно на что с человеком, который явно готов припомнить тебе то, что ты его бросила. И при этом ты еще и беременна... от другого, - говорю я своему отражению.

Отражение смотрит на меня с нехорошим предчувствием.

"Отличный план, просто блестящий. Сделка на сделке и сделкой погоняет".

Ну что же, значит играем на два фронта.

Дорогие читатели.

Представлю вам еще один роман нашего Литмоба «Бывшие. Месть негодяю!».

"Наследник любой ценой" от Даники Дивы

Он выбрал ее. И ее ребенка. Без права отказаться.

<https://litnet.com/shrt/wegI>

"Ты
Он в
Без п

Глава 6

Катя живет в Бибирево.

Полчаса без учета пробок. Я еду и думаю, что надо было предупредить. Потом думаю – мне нужно срочно с кем-то поговорить. Не по телефону. А она точно дома, приеду и все. Она поймет. Это же Катька.

Мы дружим с первого класса. Двадцать лет - это если посчитать... а считать не хочется, потому что двадцать лет это много, и мы обе еще помним себя в форме с белыми бантами на первой линейке. Катька тогда плакала, потому что потеряла пенал. Я нашла его под партой и отдала. С этого все и началось.

В восемнадцать мы поступили. Разные ВУЗы. Видеться стали меньше. Но близость никуда не делась. Наверное, так бывает только если между людьми что-то настоящее. Вы друг друга не особо видите. И даже не особо созваниваетесь. Но каждый знает, что этот человек есть в твоей жизни. Всегда.

В двадцать два она познакомилась со своим Коленькой на чьей-то вечеринке, через полгода они поженились, через год родился Митя.

Я тогда думала - рано. Успеешь еще. Куда торопиться.

Сейчас нам обоим двадцать шесть. У нее Коленька, Митя, Соня восьми месяцев и квартира в Бибирево. У меня: тест в сумке, сделка с человеком которого я когда-то бросила - *не бросила! просто ушла*- и очень конкретный план мести.

«Обе устроились».

«По-своему».

Звоню в домофон.

- Это я, привет.

- Ого! Заходи!

Поднимаюсь на восьмой этаж. Дверь приоткрыта. Захожу.

- Я на кухне!

Разужаюсь. Бреду на голос.

Катя стоит у плиты, что-то помешивая одной рукой. На второй руке сидит Соня. Восемь месяцев, круглая, серьезная. Смотрит на меня большими темными глазами - внимательно, оценивающе.

Раньше я не обращала внимания на детей. А сейчас что-то в этом взгляде - внимательном, живом, абсолютно настоящем - попадает куда-то внутрь и остается там.

«Примерно вот так», - думаю я быстро и прогоняю мысль. - *«Не сейчас».*

Катя оборачивается.

- Чай или кофе.

- Чай. Сама сделаю.

Я щелкаю кнопку, залезаю в шкаф. Я знаю где у нее что лежит. Во-первых, бываю тут, во-вторых, у нее все и всегда лежит по местам. Достаю заварку. Облокачиваюсь на столешницу. Смотрю на чайник

- Ну?

- Ну, - говорю я.

- Маруся.

- Леша меня бросил.

- Блин...

Она поворачивается к детскому стульчику, усаживает туда Соню. Потом подходит и кладет руку мне на плечо.

- Ты как?
- Да норм, - вру. – Но я ему это не спущу!
- В смысле?

Я рассказываю. Все. Ну то есть почти все, кроме самого болючего. Кроме теста и «вы мне не нужны».

Чайник закипает. Катя наливает. Ставит кружку на стол. Я падаю на табуретку. Она аккуратно присаживается напротив.

- Но Велехов мне поможет, - заканчиваю я эпопею брошенки.
- Какой Велехов.

- Руслан Велехов. Я у него работала фрилансером - помнишь? Я с ним кое о чем договорила.

- Кое о чем?

Соня начинает верещать. Катка лезет в карман, достает связку ключей. Дает малышке. Та радостно вцепляется.

- Ой, а ей можно? Они же... грязные... наверное.

Катка тарашится.

- Прости, - запинаясь. – Я вовсе...

- Интеееерееесно, - перебивает она. – И с каких это пор ты интересуешься детьми?

- Да я...

Я замолкаю. Катя ждет. Я знаю, что она ждет правды. Но язык не поворачивается.

«Нет – я не готова!».

- Хе. Я детьми не интересуюсь. Просто... Клиент новый недавно пришел. Чистящие средства продвигает, - вру. И чувствую, как краснею. Не от самого вранья. А от того, что вынуждена врать лучшей подруге. Горло пересыхает. - Вот я на чистоте видимо и поехала, - откашливаюсь, - А Велехов... У меня с ним сделка.

- Сделка?

Катя хмурится. Соня весело звенит ключами и что-то лопочет. На своем. Детско-инопланетянском.

- Я буду рядом с ним. На публике, на мероприятиях. И немного поживу у него.

- Поживешь.

- Да.

- У Велехова.

- Да.

- Маруся. - Катя ставит свою кружку. - Ты вообще в своем уме?

- Вполне.

- Если я правильно помню, твой Велехов тот еще мудака. Ты же сама говорила - странный, давит, молчит и смотрит так что непонятно чего ждать...

- Ну и что! – вскидываюсь.

- И то, что теперь ты собираешься у него жить?

- Кать, у меня нет других вариантов. Борков - это единственная точка давления. А выход на Боркова - только через Велехова.

- Вариант - забить на мудака Лешку, - говорит она. - Просто забить. Он не стоит вот этого всего.

- Нет.

- Марусь...

- Нет, Кать, - я сглатываю ком, который неожиданно образовался в горле. – Я не могу...

Катя смотрит на меня - долго, внимательно. Она умная. Она понимает - я не договариваю.

- Что он сделал?

- Он..., - чувствую что слезы уже близко.

«Не смей».

Вдыхаю, выдыхаю.

- Он сказал, что я липучка, которую он не может счистить с подошвы...

- Охренеть... Липучка... Какой же... пиздец.

Я фыркаю. Катя не ругается матом. Никогда. Но по-другому и не скажешь.

- А Велехов... это просто сделка. Я знаю на что иду.

- Сколько раз я это слышала, - вздыхает.

- Катька.

- В каком классе ты полезла на подъемный кран, потому что с Витькой Назаровым поспорила? В шестом, да? А в девятом... Ты помнишь, что было в девятом?

- Ну ты вспомнила, - смеюсь.

Соня поднимает на меня глазенки и тоже смеется. Во рту четыре белых зубика.

«Клевые какие».

- Ладно, - уже совсем другим голосом.

- Ладно, - киваю.

- Но если что-то пойдет не так...

- Позвоню.

- Сразу.

- Сразу, - обещаю я.

Она смотрит на меня еще секунду. Потом встает и обнимает. Крепко. Как в восьмом классе, когда у меня умерла кошка, и я пришла к ней плакать. Я замираю. А потом плечи сами опускаются. И я наконец-то делаю нормальный человеческий вдох.

«Господи, как же хорошо, что ты у меня есть».

Я ухожу в шесть. Мне надо домой – собрать вещи. А ей нужно накормить мужа и детей ужином, потом всех помыть и уложить.

«Ну в смысле мелких. Николай и сам справится. Наверное».

На улице август, тепло. Иду к машине и думаю о том, что у меня есть план, есть сделка, есть Велехов, который согласился. По своим причинам, это я понимаю. Но согласился.

И есть Катька. Которая не знает всего - но которая есть.

Этого пока достаточно.

«Слышишь?» - думаю я в сторону живота. - «У нас есть тетя Катя. Она будет ругаться на нас обоих. А потом перестанет. А ты... ты отрастишь зубеики... а еще будешь пускать слюни и играть с Соней...».

Глава 7

Рус живет за городом.

А я и не знала. Когда у нас «было» то мы «это» делали либо у меня, либо в его офисе. Кстати, интересно, а почему? Хотя какая уже теперь разница. Да и «было» то всего ничего. Пара свиданий. Ну вернее штук десять.

Я прогоняю картинку «офис, стол, диван, стол» и поднимаю глаза на водителя - молчаливого мужика лет пятидесяти по имени Василий.

- Далеко? - спрашиваю я у затылка Василия.

- Сорок минут, - говорит затылок.

Я смотрю в окно на удаляющийся город и думаю о том, что жизнь продолжает удивлять. Только вчера у меня был парень, квартира и более-менее понятное будущее. Сегодня у меня есть два чемодана, пакет с ромашкой и мятой, сомнительная сделка и сорок минут до загородного дома мужчины, которому я когда-то ничего не объяснила.

«Зато свежий воздух, - думаю я в сторону живота. - Ты потом скажешь мне спасибо».

Дом большой. Не пафосный - просто большой. Темное дерево, высокие потолки, огромные окна в сад. Никакой показухи. Все дорого, но как будто не для того, чтобы кто-то видел, а потому что он сам так хочет.

Рус стоит у входа. Джинсы, темный лонгслив в обтяжку. Без пиджака, без офисного панциря. Высокий. Сильный. Красивая фигура. Я помню, что у него хорошее тело. Очень даже хорошее...

«Маруся, ты беременна».

«Я помню, спасибо».

Я выхожу. Василий идет к багажнику. Достает мои пожитки. Рус смотрит на мои два чемодана и пакет с ромашкой. Уголок рта приподнимается. То ли улыбка, то ли нет - не поймешь.

- Василий занесет, - говорит он, переводя взгляд с чемоданов на меня, потом делает приглашающий жест рукой, - Пойдем, все тебе покажу.

Мы медленно обходим дом. Поднимаемся на второй этаж. Моя комната - тут, в торце коридора. Большая кровать, окно в сад, своя ванная.

«На первое время», - сказал он, когда вел меня сюда. Я не спросила, что будет когда наступит «второе». А то спросишь и получишь мужской план-банан. А мне нужен мой женский планчик-бананчик.

- Устраивает? - спрашивает Рус от двери.

- Вполне, - говорю я, не оборачиваясь. Смотрю в окно на сад. Яблони, дорожки, скамейка у забора. - Тихо у тебя.

- Да.

- Ты всегда здесь живешь?

- Всегда.

Я поворачиваюсь. Он стоит в дверях - не заходит, просто стоит - и смотрит на меня. Спокойно. И... Привычно? Как будто я уже давно должна была быть в этой комнате и только сейчас добралась?

«Прекрати думать всякую чушь».

- Во сколько мероприятие? - тоном максимально деловым.

- В восемь. Выежаем в семь тридцать.

- Хорошо.

Он кивает. Уходит. Я слышу его шаги по коридору - ровные, неспешные - и выдыхаю.

- Ничего, - шепчу я саду за окном. - Прорвемся.
Сад не отвечает, но яблони выглядят обнадеживающе.

Платье я привезла правильное. Черное, по фигуре, с вырезом ровно настолько, чтобы было о чем думать. Я стою перед зеркалом и смотрю на себя. Живота пока нет - только я знаю, что он будет. Это странное знание. Как будто несешь внутри тихую тайну, которая скоро станет очень громкой.

- Сегодня просто вечер, - говорю я отражению. - Просто вечер, просто платье, просто работа.

Отражение смотрит на меня с легким скептицизмом.

"Ладно, пошли".

Он ждет внизу. В костюме - темно-синем, без галстука. Смотрит на меня как я спускаюсь по лестнице. Глаза темные. Взгляд тяжелый.

«Не споткнись!».

Не спотыкаюсь. Это уже победа.

- Нормально? - спрашиваю я.

- Нормально.

От Руса «нормально» - это, подозреваю примерно, как от другого человека «ты сегодня сводишь с ума». Но проверять эту теорию я, пожалуй, не буду.

В машине он кладет руку на подлокотник рядом с моей. Просто кладет. Не касается. Но рука там - и я про нее знаю, и он знает, что я знаю. Едем молча. Сорок минут в одну сторону.

Мероприятие - презентация какого-то нового жилого квартала. Партнеры, инвесторы, пресса. Зал высокий, светлый, с шампанским на подносах и людьми в дорогих пиджаках.

Рус берет меня за талию сразу как мы входим. Привычно, как будто мы делали это сто раз. Так - почти в обнимку - мы и ходим по залу. Рус здороваётся - коротко, по именам, без лишних слов. Люди смотрят на меня с вежливым любопытством. Я улыбаюсь ровно так, как нужно - не слишком широко, не слишком холодно. Маркетолог. Я умею улыбаться правильно.

Все идет хорошо.

Все идет хорошо ровно до того момента, пока я не вижу у дальнего бара... Лешенька, зайчик мой собственной персоной. И не один, конечно. Рядом с ним - Лиана. Каштановые волосы, красное платье, дорогая белозубая улыбка. В жизни она выглядит еще лучше, чем на фото в соцсетях. Он смотрит на нее также, как когда-то... в самом начале... смотрел на меня.

«Она такая красивая»

«А он такой... счастливый?».

По телу пробегает ледяная волна.

- Чашина.

Голос Руса - тихий, у самого уха.

- Что, - говорю я, не в силах отвести взгляд от Лешки и этой Лианы.

- Ты дрожишь.

- Знаю.

Он поворачивает голову, пытаюсь понять куда я пялюсь, и видит сладкую парочку. Смотрит на Алексея. Потом берет меня за талию чуть крепче.

- Ясно, - говорит он.

Одно слово. Но в нем - целый план.

- Что ясно?

- Что значит твое «личное».

Я молчу. Это само по себе ответ.

- И похоже, - продолжает, - Это не просто «личное», а «очень-очень личное».

Я хочу сделать глубокий вдох, пытаюсь справиться с лицом, по которому вот-вот побегут слезы. И с телом, которое дрожит мелкой дрожью. И с горлом, которое отказывается пропускать воздух. Рус смотрит сбоку, внимательно. А потом обнимает еще крепче. Не грубо. Но уверенно. И тянет за собой. Я переставляю непослушные ноги.

«Левая, правая, левая, правая. Вот и балкон».

- Так, - буравит взглядом.

Молчу. И дышу. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

- Ну? - басит.

- Да..., - еще один глубокий вдох, - да нормально все, - огрызаюсь.

- То есть готова туда вернуться?

- А то! Вообще без проблем.

Он поводит плечами, типа «ну как скажешь». А я вскидываю подбородок, делаю шаг обратно в зал и почти сразу натываюсь взглядом на них.

Лешка поворачивает голову. Видит меня. Видит Руса рядом со мной - его руку на моей талии. В глаза мелькает... ревность?

«Да какая ревность, прекрати уже».

В глазах мелькает злость.

«Добрый вечер, Леша, - думаю я. - Хорошо выглядишь».

Он моргает. Как будто услышал. И отворачивается.

- Пожалуй, можно и домой, - голос Руса вырывает из картинки, в которой я сбрасываю атомную бомбу на известно кого, - Или ты хочешь еще побыть? Бокал чего-нибудь для поднятия настроения?

- Не хочу спиртное, голова болеть будет, - вру почти убедительно. — Если ты готов, то можно и поехать.

Мы выходим из зала, проходим по парковке. Рус открывает дверь и помогает мне сесть. Я забираюсь внутрь. Он обходит машину и плюхается рядом.

- Что будем делать? — спрашивает вдруг.

- В смысле? Домой же хотел.

- С твоим «очень-очень личным».

Я отворачиваюсь, плююсь в окно.

Он протягивает руку и сжимает мою ладонь. Я чувствую, что в уголках глаз начинают собираться слезы. Упасть бы сейчас на его плечо и разрыдаться. Наконец-то позволить себе выплакать всю эту боль. Но тут он хмыкает и произносит.

- Ну что же. Получается, что условия сделки чуть сложнее... Но я подумаю... Как ты мне отработаешь это «очень-очень личное».

Я выдергиваю руку, а потом поворачиваюсь и вижу глумливую улыбку на его лице.

«Отработаешь?!».

Представлю вам еще один роман нашего Литмоба «Бывшие. Месть негодяю!»

Diva "Жена по расчету. Ребенок по ошибке"

Он женился на мне ради мести. Но ребенок оказался его...

https://litnet.com/shrt/_Jx8

Глава 8

- И что теперь? - спрашиваю я когда мы заходим в дом.

Рус снимает пиджак. Бросает на спинку дивана в холле. Смотрит на меня.

- Иди переоденься. В нижнем ящике комода - вещи.

- Какие вещи?

- Удобные, - разворачивается и уходит.

Стою. Смотрю.

«Удобные».

Вздыхаю и поднимаюсь в свою комнату. Нахожу нижний ящик. Открываю. Шорты. Короткие. И майка - белая, тонкая, явно на размер меньше, чем нужно. Я стою над ящиком и смотрю на это.

«Удобные, значит».

«Рус, ты серьезно».

Я беру майку. Смотрю на просвет. Натуральный хлопок, хорошее качество.

«Интересно, когда он успел все это купить?»

Переодеваюсь. Смотрю в зеркало. Шорты сидят как шорты. Майка сидит как вторая кожа. Все что нужно скрыть - не скрывает ничего.

- Это какая-то жесть, - говорю я своему отражению.

Отражение согласно молчит. Я спускаюсь.

На кухне гремят сковородки. Рус стоит у плиты. Сменил костюм на темные джинсы и футболку. Футболка простая, серая, и я понимаю, что лучше бы он остался в пиджаке.

- Что ты делаешь?

Он оборачивается. Смотрит на меня - сверху вниз, спокойно - и на секунду задерживает взгляд. Просто на секунду.

- Ужин, - говорит он. - Возьми овощи в холодильнике. Порежь.

- Отработка? - фыркаю.

- Помидоры, перец, лук, - отворачивается к плите. - Нож в третьем ящике.

Я стою секунду. Две. Открываю холодильник.

«Ладно. Режу овощи. Все под контролем».

Холодильник большой, укомплектованный. Помидоры пахучие розовые, перец трех цветов, лук красный и желтый. Достаю все это, нахожу нож, нахожу доску и начинаю резать. Рус разогревает сковороду, льет масло. Мы стоим рядом - он у плиты, я у доски - и от этой простой бытовой близости почему-то неловко. Как будто мы делаем что-то куда более интимное чем приготовление еды.

«Это просто ужин».

«Просто ужин в майке, которая ничего не скрывает».

«С мужчиной в его загородном доме».

«Заканчивай! Просто ужин!».

- Лук мельче, - говорит он не оборачиваясь.

- Я умею резать лук.

- Мельче.

Я режу мельче. Молча. С достоинством. Он забирает у меня доску, смахивает лук на сковороду. Шипит масло. Запах сразу густой, теплый.

- Помидоры без кожи, - говорит он.

- Рус, я знаю, как готовить шакшуку.

- Шакшуку?

- И не делай большие глаза. Ежу понятно, что ты именно ее и делаешь.

- По набору продуктов угадала. Маркетолог, - хмыкает. – Помидоры без кожи.

Закатываю глаза. И делаю помидоры. Рус добавляет специи - просто сыпет щепотку того, щепотку другого. По ощущениям. Зира, паприка, что-то еще. Делает в томатной основе ямки, разбивает яйца. Аккуратно, но одной рукой. Я смотрю на его руки.

«Маруся».

«Я знаю».

- Вино будешь? - спрашивает он.

- Нет, спасибо.

Он достает бутылку. Открывает, наливает два бокала. Один ставит передо мной.

- Я сказала...

- Один глоток не повредит, - перебивает.

Я смотрю на бокал. Красное, темное. Пахнет хорошо.

«Один глоток».

«Нет. Нельзя».

«Один маленький не повредит».

«Нет».

- Не хочу, - вздыхаю. - Голова будет болеть.

Он смотрит на меня секунду дольше чем нужно. Ничего не говорит. Убирает бокал.

«Не понял. Или что-то заподозрил? Да ну, не может быть. Мужики про такое не думают».

Шакшука доходит под крышкой. Рус достает хлеб, режет. Я нахожу тарелки - сама. И это почему-то ощущается как маленькая победа. Мы садимся за стол. Рус напротив. Едим. Шакшука хорошая. Очень хорошая. Я почти злюсь на то, как она хороша.

- Вкусно, - говорю я. Честно, потому что врать в данном случае глупо.

- Знаю.

Мы едим дальше. За окном темно, над столом теплый свет, и в этой картинке есть что-то невыносимо уютное. Я стараюсь на это не обращать внимания.

- А что после ужина? - спрашиваю я.

Он поднимает взгляд. В глазах какое-то странное выражение. Молчит. Жует. Глокает и говорит.

- Пойдем и потрахаемся.

- По... чего? - тарашусь.

- По... того.

Я замираю. Сердце гулко бухает где-то в животе.

«Да ну нахер!!!».

- Ну и лицо у тебя сейчас, Чашина, - говорит он. Спокойно. Со своей почти-не-улыбкой.

Я закрываю рот. Открываю.

- Ты, - говорю я, - серьезно?

- Ты спросила, что после ужина.

- Это не ответ на вопрос, это...

- Конкретный ответ на конкретный вопрос.

Я кладу вилку. Смотрю на него. Он смотрит на меня.

«Встань и уйди»

«Прямо сейчас. Встань, скажи спасибо за ужин, и иди в свою комнату».

Я смотрю на свою тарелку. Там еще есть шакшука.

«Сначала поем»

«Потом уйду с достоинством».

Я беру вилку. Ем. Рус ест напротив. Невозмутимо. Как человек, у которого все идет по плану.

«Потрахаемся».

«Вот наглец».

Потом, совершенно некстати, вспоминается диван в его офисе. Жестко. Горячо. Молча. Он молчал. Но его руки... Руки говорили достаточно.

«Прогони».

Прогоняю. Упорно возвращается.

«Это сделка».

«Это просто сделка».

«И никакого дивана».

Мы доедаем молча. Рус встает, собирает тарелки, споласкивает под краном, ставит в посудомойку. Спокойные привычные движения. Закрывает дверцу. Нажимает кнопку. Оборачивается.

Смотрит на меня.

- Ну что, - говорит он. - Теперь можно и в спальню?

Представлю вам еще один роман нашего Литмоба «Бывшие. Месть негодяю!»

Роман от Мишель Анри *"Бывшие. Жена врага"*

Он вышвырнул меня на мороз, когда узнал о ребенке.

Теперь я замужем за его врагом и смотрю как рушится его империя

https://litnet.com/shrt/vGS_

Глава 9

- Идешь? – тон такой, как будто он мне предложил пойти погулять.

Закрываю глаза, чувствуя, как что-то во мне - то самое что держалось весь день, всю дорогу, весь этот вечер с правильной улыбкой и правильным расстоянием - щелкает.

- Все, - встаю. - Хватит. Рус, это... это уже затянулось. Вот это вот все. Ты серьезно думал, что я... что мы... что это вообще...

Я останавливаюсь. Слова не складываются в нужном порядке.

- Что? - говорит он спокойно.

- Что ты себе позволяешь? - выговариваю я наконец. - Ты предлагаешь мне пойти с тобой в спальню как будто это пункт договора. Как будто я...

- А что ты хотела?

Я смотрю на него.

- Ты взрослая девочка, Чашина, - он говорит ровно, без злости. Это хуже злости. - Ты сейчас одна. В моем доме. Ты сама пришла. Сама согласилась на условия. О чем ты думала когда подтверждала сделку?

- Я просто хотела..., - запинаясь.

«Откусить Лешеньке голову»

Смотрит. Ждет.

- Отомстить этому мелкому говнюку? – как будто читает мои мысли. Хотя что тут удивительного, не сложно догадаться.

Опускаю глаза.

- И ради ваших разборок, - басит, - ты втянула во все это меня.

- Ты сам согласился, - кидаю на него короткий взгляд.

- Согласился, - кивает. - По своим причинам.

- Тогда какие претензии?

- Никаких претензий, - он встает из-за стола. - Просто я хочу компенсации.

Делает шаг ко мне. Я стою и смотрю как он подходит - медленно, без спешки - и думаю, что надо что-то сделать. Отойти, сказать что-то умное, взять ситуацию под контроль.

Он наклоняется. Я упираюсь ладонью ему в грудь.

- Ты же не будешь меня насиловать? - шурюсь.

Он останавливается. Смотрит на мою руку. Потом на меня.

- Нет, конечно.

Пауза.

- Но ты круглая дура, Чашина, - говорит это без злобы - почти устало. - Все бабы такие идиотки. Пришла с планом, запуталась в нем, стоит теперь с выпученными глазами.

Я открываю рот.

- Ладно, - говорит он раньше, чем я успеваю что-либо придумать. - Я помогу.

- Но?

- Никаких «но». Не хочешь трахаться - не надо. Будешь на меня работать как изначально и предлагала. За гонорар, - отступает на шаг. - Плюс пара выездов. Потом можешь свалить домой. Все.

Смотрит на меня секунду. Разворачивается и уходит из кухни.

Я стою. Смотрю ему вслед, потом обвожу комнату взглядом.

На дальнем столе - бокал вина. Тот который он наливал мне перед ужином. Красное. Темное. Пахнет хорошо. Подхожу, беру бокал.

Подношу к губам. Стою так секунду. Ставлю обратно.

«Нельзя».

Закрываю глаза, шумно выдыхаю и иду к себе.

В комнате темно. Прохожу, сажусь на кровать, смотрю в окно на сад. Фонари. Яблони. Темнота. Тихо.

И тут - без предупреждения, без нормального повода - все это наконец догоняет меня.

Два года. Два года я была с человеком, который смотрит на меня и видит только «липучку». А ведь он говори «люблю». Я точно помню. А потом что? Потом просто взял и начал фотографироваться с другой на верандах. И не только мне об этом не сказал. Он еще и меня... выгнал. Выгнал в тот момент, когда я рассказала ему о ребенке. «Не мои проблемы»... как будто речь о сломанном принтере.

А я? Что я? Устроила расследование. Притащилась к Велехову. Подписалась на какую-то идиотскую сделку. Из-за которой он теперь воспринимает меня как... ту кому можно сказать «пошли потрахаемся»? Вот так просто – «раздвигай ноги Чашина, отрабатывай сделку».

Из глаз начинают капать слезы - не как в лифте, там было остро как удар в сердце. А сейчас... сейчас это где-то глубоко-глубоко внутри меня. Но при этом хуже – больнее. Как будто меня не просто ударили, а... уничтожили?

«Круглая дура».

«Да пошел ты, Велехов!».

Я рывком подтягиваю к себе подушку, а потом утыкаюсь в нее и начинаю выть. Стараясь делать это тихо-тихо. Мне хочется заорать во весь голос, может быть тогда ледяной ком в груди выйдет наружу.

«Нет! Я не доставлю ему такого удовольствия. Ни за что на свете!».

Дверь открывается. Я слышу шаги. Скрипит кровать - он садится рядом, на край.

Молчит.

Я лежу лицом в подушку и думаю, что надо послать его нахер. Вот просто отлепиться от мокрой ткани и послать. Но сил на скандалы нет никаких. И я просто тихонько отползаю на другой край кровати - подальше, к стене. И молчу.

- Устала, - тихо, совсем тихо.

Я отрываюсь от подушки, всхлипываю, громко, надрывно. А он встает обходит кровать, садится рядом и рывком поднимает меня, прижимая к себе. И тут я наконец начинаю рыдать в голос. Как плачут когда больше нет сил держать лицо. Носом, ртом, с этим противным звуком, который не хочется слышать от себя.

Слезы текут по щекам, за шиворот майки - той самой, его, которая ничего не скрывает. Он кладет мне руку на спину. Я вздрагиваю. Но не отстраняюсь. Потому что сил больше нет. И не только не отстраняюсь. Я утыкаюсь ему грудь. Со всеми своими слезами, соплями, размазанной тушью.

Со своими двумя годами странных отношений, когда я придумывала нам совместное будущее - не вслух, внутри, как придумывают все важное.

Я рыдаю про тех нас, которых не было, а мне казалось что были. Про то как я верила. Про то как перестала верить - не сразу, постепенно, по маленькому кусочку - но все равно надеялась. До последнего.

До «не мои проблемы».

Я рыдаю про маленькую точку, которая ничего не знает. Которая просто строится. Которой не было в планах. Но которая появилась и живет сейчас где-то внутри.

«Слышишь?»- думаю я. - «Прости. Это не про тебя. Это я так. Просто иногда надо».

Его рука лежит у меня на спине. Просто лежит.

- Ну какие же вы все дуры, - басит.

Не злобно. Почти нежно.

Я рыдаю сильнее. Потому что это не утешение. Потому что это самое странное утешение на свете. Но от его руки и этой идиотской фразы - становится чуть легче.

Совсем чуть-чуть. Но все-таки.

Постепенно - не сразу, волнами - отпускает. Всплипы реже. Дыхание ровнее. Его футболка мокрая насквозь.

«Извини», - думаю я. - «За футболку»...

Представлю вам еще один роман нашего Литмоба «Бывшие. Месть негодяю!»

Любовь Перуница «Сделка с бывшей любовью».

Дно выглядело так: меня бросил жених, бизнес летит к чертям, искря проводами, и я беременна. Но я умудрилась пробить его еще глубже, когда согласилась на сделку с бывшим.

<https://litnet.com/shrt/orNW>

Глава 10

Открываю глаза - утро. Когда он ушел я не знаю. Видимо я просто вырубилась в какой-то момент. Хотя и не мудрено. Встаю, тащусь в ванную. Глаза опухшие, лицо помятое.

«Ладно».

Умываюсь. Одеваюсь. Спускаюсь вниз. Он сидит на кухне. Кофе, ноутбук, телефон у уха. Разговаривает - коротко, по-деловому - и когда я вхожу, только кивает в сторону кофемашины. Мол, сама справишься. Справлюсь. Я вообще всегда справляюсь.

Но кофе, наверное, не стоит. Где там мои ромашка с мятой? Завариваю, тихо усаживаюсь на барный стул в углу. Жду пока он закончит звонок. Он заканчивает. Закрывает ноутбук. Смотрит на меня.

- Рус. Спасибо, - бормочу. - За вчера.

Растягивает губы в подобие улыбки.

- Стены тонкие, - говорит он. - Спать мешала.

Я на секунду замираю - внутри что-то обрывается - и... киваю.

- Понятно, - отворачиваюсь.

Беру кружку в руки, делюа глоток, перевожу взгляд за окно - на яблони.

«Ну да».

Опять себе что-то сочинила. Пришел, потому что стены тонкие. Руку положил, потому что... потому что... да тоже что-то физиологическое. Что-то вроде рефлекса, простого рефлекса.

«Между нами сделка. Ничего кроме сделки».

«Запомни».

- В холодильнике еда, - бурчит. - В девять выезжаем. Тебе в какую сторону?

- Арбат.

- Хорошо.

Он встает, ставит чашку в раковину, уходит. Я слышу его шаги по лестнице - ровные, неспешные. Смотрю на свою кружку. Ромашка с мятой. Пахнет мамой. А в груди - пусто. Как будто он выключил что-то. Про что я даже и не знала.

В машине молчим. Но это молчание не такое как было вчера ночью - теплое, с его плечом. Другое - тягостное. Он сидит как каменный, я сижу такая же. Два каменных молчаливых истукана - ну что же, прекрасно. И Василий тоже молчит - просто везет нас и все.

Поворачиваюсь к окну. Август, Москва, пробки. Обычное утро обычного дня, в котором я проснулась в одежде вся зареванная в чужом доме чужого мужчины.

«Совершенно обычное утро».

Проезжаем мимо кофейни. Смотрю на вывеску, вспоминаю кабинку в «Кофемании» и думаю о том что несколько дней назад моя жизнь была обычной и понятной. Парень, работа, планы на осень. Теперь непонятно.

«Вообще ничего непонятно».

Машина останавливается на светофоре. Рус на скунду отрывается от телефона. Но смотрит прямо - на дорогу, не на меня. Потом опять опускает глаза и вдруг произносит:

- Когда закончишь - напиши. Василий заберет.

- Я могу сама...

- Напиши, - перебивает. И это звучит почти как приказ: отрезал и не обсуждается.

На работе я провожу три встречи, пишу два брифа и съедаю первое-второе-и-компот в корпоративной столовой. Потому что хочется есть все время. Говорят, что так и должно быть. Организм строит человека и требует ресурсов.

«Строит человека».

Я думаю об этом между встречами. Что прямо сейчас - пока я обсуждаю контент-план для клиента, который продает матрасы - внутри меня строится человек. Самый настоящий. Маленький живой человечек.

«Мы справляемся», - думаю я в его сторону. - «Ты строишься, я работаю. Командная работа».

В пять, после большого брейн-шторма, я иду к своему столу. Сажусь. На сегодня осталось всего-ничего: вычитать два релиза и... Телефон вибрирует. Незнакомый номер. Нет - знакомый. Просто удаленный.

Алексей.

Я смотрю на экран. Три секунды. Пять. Сбрасываю. Звонит еще раз.

«Я не хочу с тобой разговаривать».

«Не звони мне больше. Никогда»

Сбрасываю. Заношу контакт в черный список. Убираю телефон в ящик стола. Возвращаюсь к пресс-релизам.

В семь вечера я закрываю ноут и сижу, пялясь в стол.

«Приказ, да? И пать мешала. И стены тонкие».

Достаю телефон.

«Набери Василия».

Набираю Руся.

- Да.

- Это Маруся, - говорю зачем-то, он же итак это видит. - Я хотела... Слушай... Можно я сегодня останусь у себя? В своей квартире. Мне нужно кое-что забрать и... просто...

- Окей.

Просто «окей». Ни возражений, ни сожалений, ни вопросов. Просто - окей.

- Спасибо.

Гудки.

Я смотрю на телефон.

«Ну раз окей, то и окей».

Встаю. Беру сумку. Иду на выход.

Воздух в квартире застоявшийся. Как будто тут давным-давно никого не было, как будто я тут не живу. Это неприятно - моя собственная квартира решила без меня, что я уже не вернусь?

Открываю окно. Вдыхаю свежий воздух, поворачиваюсь и оглядываюсь еще раз - все на месте: мои вещи, мои кружки, мой плед на диване. Все мое, но меня почему-то не покидает мысль, что оно все теперь немножко чужое.

«Ну что за глупости, Маруся?».

Вздыхаю, тащу себя к дивану и падаю на него. Лежу минуту, две, пять, потом достаю из кармана телефон. Открываю соцсети - просто так, по привычке, листать перед сном. И сразу - в рекомендациях, потому что алгоритм злорадный - фото.

Алексей и Лиана.

Ресторан. Она смеется, запрокинув голову - каштановые волосы, красивая шея. Он смотрит на нее. По особенному смотрит. Я знаю этот взгляд - я думала он для меня. Подпись: «Моя».

Я вырубая телефон. Откидываю его в сторону. Сижу. Минута, пять, десять. Беру снова. Открываю контакты. Прокручиваю.

Мама.

Я смотрю на это слово. Мама сейчас, наверное, смотрит телевизор. Или уже спит - она рано ложится. На кухне у нее всегда пахнет едой: пирогами, супом, котлетами... Я не была у нее уже несколько недель.

Наберу сейчас... И она спросит как дела. Я скажу - нормально. Она скажет - у тебя грустный голос. Я скажу - устала просто. Она скажет - приезжай домой. Я скажу - не могу. И это будет правда - не могу. Потому что если приеду, она увидит сразу. Это же мама. А я еще не готова чтобы кто-то видел.

Я держу телефон. Секунд десять. Листаю дальше. Нет. Нет. Нет. Даже Катя - нет.

Открываю соцсеть.

«Закрой».

Не закрываю.

«Не смотри».

Смотрю.

Свет от телефона режет глаза. Я листаю. Лайки. Четыреста восемьдесят два. Комментарии - «красивая пара», «огонь», сердечки, сердечки, сердечки. Я закрываю вкладку. Открываю снова. Закрываю. Руки дрожат.

«Зачем ты это делаешь?».

Сжимаю зубы. И медленно кладу телефон на диван лицом вниз. Смотрю в потолок. Два года. Обмана? Пустоты? Интересно, а кроме это Лианы еще кто-то...

В горле собирается что-то тугое и горячее.

«Все мужики мудаки», - думаю я в потолок. - «Все. Без исключений. Один бросает с ребенком, другой говорит «стены тонкие» и «окей».

А потом вдруг смеюсь. Нервно, чуть-чуть истерично, но все же весело.

«А все бабы - дуры».

Я тянусь за пледом, заворачиваюсь в него и закрываю глаза.

«Слышишь?» - думаю я в сторону живота. - «Все мужики мудаки. Все бабы дуры. Но мы с тобой станем умными-умными. Ну а если ты будешь мальчиком... постарайся не быть как твой папа. Пожалуйста».

Представлю вам еще один роман нашего Литмоба «Бывшие. Месть негодяю!»

Элиза Король, Мия Ковалева "Бывший про запас или план Б"

"Я оказалась беременна от предателя и уволена с работы его любовницей! Воспользуюсь планом "Б" - отвечу "да" бывшему - перспективному врачу-миллионеру"

<https://litnet.com/shrt/Mt9O>

"Бывший"

Я оказа
и уволе
Воспол
бывшем
врачу-м

Глава 11

Звонок в восемь утра. Я смотрю на экран одним глазом. Рус. Беру трубку.

- Доброе утро, - гнусавый голос человека, который не выспался и плакал в плед. Ну чуточку. Совсем чуть-чуть.

- Деловой выезд. Выезжаем в пять.

- Чего?

- Два дня. Сегодня вечером приветственный ужин, завтра деловой обед - ты нужна только там. Остальное время твое.

- Но... Работа... И вообще...

- Реши. Вещи привезет Василий. Скажешь ему, что нужно.

- Обойдусь.

- Как скажешь. В пять у твоего подъезда.

Гудки. Я смотрю в потолок.

«Два дня. Деловой выезд. Обойдусь».

«Отлично, Маруся. Просто отлично».

Босс был, конечно, не рад, что я сегодня «работаю из дома». Но встреч у нас никаких запланировано не было. Так что поныл, но стерпел. Вещи я укладываю в спортивную сумку. Чемоданы-то тю-тю. И зачем я столько всего отвезла? Но в целом все влезает: черные брюки, шелковая блузка, маленькое темно-синее платье на вечер. Ну и всякое девчачье, личное.

В пять ноль две выхожу из подъезда. Машина уже стоит. Открываю дверь.

Рус смотрит в телефон.

- Привет, - говорю я.

- Привет.

Смотрит дальше. Василий трогается.

До места назначения почти два часа. Я знаю это, потому что смотрю на навигатор каждые двадцать минут. В остальное время смотрю в окно.

Рус работает. Ноутбук на коленях, наушник в ухе, тихий деловой голос. Цифры, сроки, какие-то Олег Виталич и Денис Борисович. Я не слушаю - просто слышу фон. Мой ноут я не достаю. Меня укачивает, если я в него пялюсь в машине.

За окном кончается Москва. Начинается трасса, потом съезд, потом лес - сначала редкий, потом плотный, темный, сосновый. Пахнет даже через закрытые окна - или мне кажется.

- Ты голодная? - спрашивает Рус между звонками.

- Нет, - вру.

Потому что я сейчас все время голодная. Интересно... а потом... ну когда все уже случится... я буду толстая как бегемот?

- В подлокотнике, - бросает, не глядя.

Открываю. Галеты, орехи, маленькая плитка темного шоколада.

«Это специально? Или он всегда так ездит».

«Скорее всего всегда».

Я беру орехи. И шоколад. А потом вскрываю печенье. Организм строит человека - ему нужны ресурсы.

ОТЕЛЬ в соснах - деревянный, темный, с запахом леса и озером в ста метрах от входа. Не пафосный. Просто хороший - все на своем месте, тихо, консьерж здоровается с Русом по имени.

Нас провожают в номер: просторный, красивый. Панорамное окно - лес, озеро, причал с одиноким фонарем. Кушетка у окна, письменный стол. И одна кровать. Большая. Но одна.

Я смотрю на нее. Потом на Руса.

- Это что?

- Так вышло.

- Рус.

- Потерпишь, - бросает пиджак на кресло. - Переодевайся, через час ужин.

«Потерпишь».

«Так вышло».

Я смотрю на кровать еще секунду. Потом беру сумку и иду в ванную.

Ужин светский: много людей, много улыбок, шампанское, которое я не пью, разговоры ни о чем и обо всем. Я работаю. Держу разговор, задаю правильные вопросы, смеюсь в нужных местах. Маркетолог. Краем глаза вижу, как Рус иногда смотрит на меня - быстро, вскользь. Проверяет? Оценивает? Или просто смотрит.

«Не думай».

В номер возвращаемся в половине двенадцатого. Я переодеваюсь в ванной - майка, шорты. Жаль, что не взяла пижаму. Но кто ж знал, что кровать будет одна.

«Могла бы догадаться. Не бином Ньютона».

Выхожу. Рус сидит на краю кровати. Опять телефон. Он из него никогда не вылезает?

- Тебе какая сторона, - говорит он, не поднимая глаз.

- Левая.

- Хорошо.

Он встает, выключает свет, уходит в ванную. Я ложусь. Кровать большая. Между нами можно еще одного человека положить. Или двух. Лежу. В голове – картинки дороги, светские улыбки, обрывки фраз. Глаза начинают закрываться. И тут – свет: Рус выходит из ванной. На нем только белье...

«Ну тупец».

Я натягиваю одеяло до подбородка. Он шелкает выключателем. И его высокая мощная фигура, тонет в полумраке. Закрываю глаза. Пытаюсь дышать ровно. Типа уснула. Он подходит к правой стороне, ложится.

Молчим. Через несколько минут его дыхание становится глубже.

«Уснул».

Я выдыхаю, поворачиваюсь на бок и закрываю глаза.

Просыпаюсь от тепла. Тяжелого, плотного - с одной стороны. Его рука лежит поперек моей талии. Он повернулся во сне и обнял меня. Просто обнял - спит, дышит ровно, ничего не знает.

Я лежу. Смотрю в стенку.

«Хронология событий, - думаю я медленно. - Была нормальная жизнь. Потом тест на беременность. Потом «детка, не нужны». Потом сделка с человеком который говорит «стены тонкие». А теперь - Тверская область, сосны, его рука на моей талии».

«Логичная цепочка. Все объяснимо».

Его рука теплая. Тяжелая. Я лежу еще минут пять. Почти не дышу. Потом - медленно, очень аккуратно - сдвигаюсь к краю. Его рука соскальзывает, он во сне поворачивается на другой бок, отворачивается. Спит дальше.

Я тихонечко встаю. Стараясь не потревожить. Кровать чуть скрипит. Я замираю. Он что-то бормочет во сне. Но не просыпается. Иду к кушетке у окна. Ложусь. За окном лес и озеро. Фонарь на причале качается - или мне кажется. Тихо. Темно. Сосны стоят как стояли.

Подбираю ноги, сворачиваясь калачиком на маленькой подушке. Кушетка узкая, без одеяла холодно. Переворачиваюсь на другой бок. Колени упираются в стенку. Вздыхаю. Переворачиваюсь на спину. Смотрю в потолок.

И тут - скрипит кровать. Потом шаги. Рус подходит к кушетке. Смотрит на меня сверху вниз - молча, спокойно. А потом наклоняется и... берет меня на руки.

- Рус, - шепчу.

Молчит. Несет к кровати. Кладет. Накрывает одеялом.

- Рус. Зачем ты... согласился? Зачем все это...? - спрашиваю я в темноту.

Он стоит рядом.

- Думал будет весело.

- И?

Пауза.

- Скучно, - говорит он.

Я моргаю.

«Скучно?».

Он разворачивается, идет к шкафу, натягивает джинсы и футболку. И уходит из номера. Лежу. В уголках глаз собираются слезы.

«Скучно».

Представлю вам еще один роман нашего Литмоба «Бывшие. Месть негодяю!»

Татьяна Никольская "Правила фиктивного брака с бывшим"

"Брошенная, бездомная, беременная... без пяти минут жена миллионера"

<https://litnet.com/shrt/51WH>

Глава 12

День я провела в номере. Три звонка, два брифа, один конфликт с клиентом который хотел «просто переделать все». Обычный рабочий день - просто с видом на сосны и озеро вместо московского двора.

На деловой обед вышла ровно в час. Улыбалась правильно, говорила нужное, сидела рядом с Русом и чувствовала его руку на спинке моего стула - не на плече, просто на спинке - и старалась об этом не думать.

К трем все закончилось.

- Едем, - сказал Рус.

Едем.

В машине молчим. Уже привычно. Лес за окном темнеет - август, вечер, сосны съедают последний свет. Я смотрю на воду в придорожных канавах и думаю... Да ни о чем конкретном и не думаю. Просто еду и все.

- Останешься у меня, - произносит вдруг Рус, выдергивая меня из полусна.

- А? Ну... Я могу домой.

- Ближе, - смотрит вперед. - Незачем гнать Василия через всю Москву.

Я смотрю на затылок Василия. Затылок невозмутим.

- Ну... ладно, - говорю я.

Дома расходимся без слов - он наверх, я наверх, каждый в свою сторону. Привычно, как будто мы всегда так живем.

«Вторая ночь тут, - думаю я. - А как будто давным-давно».

Я переодеваюсь, ложусь, читаю что-то рабочее в телефоне. За окном сад, яблони, темнота. Засыпаю быстро - психоз и кушетка дают о себе знать.

Просыпаюсь среди ночи. Хочу пить - сильно, как будто не пила весь день. Это, говорят, тоже нормально. Организм делает другой организм и ему нужна вода. Встаю. Иду на кухню.

Свет. Одна маленькая лампа над плитой. И Рус. Сидит за барной стойкой. Бокал виски, ноутбук закрыт, смотрит в окно на сад.

- Не спишь, - не оборачиваясь.

- Воды хочу.

Он поворачивается. Достая стакан, наливаю. Пью. В кухне тихо. Ну почти. Чуть-чуть гудит холодильник и что-то потрескивает за окном.

- Почему ты ушла? – вдруг.

Негромко. Без злости - просто говорит, как будто думал об этом и вот сказал.

- Я...

- Я так и не понял, - смотрит на стакан. – Просто ушла и все. Развернулась... И исчезла из моей жизни.

- Ты и не держал, - бормочу.

- А ты хотела?

Опускаю глаза. Молчу.

Он встает. Идет ко мне - медленно, без спешки. Подходит вплотную. Берет меня за подбородок - аккуратно, двумя пальцами - поднимает лицо. От него пахнет виски и чем-то прохладным, свежим.

Смотрит. А потом наклоняется. Ближе-ближе-ближе.

И целует.

Медленно, аккуратно прикасается губами к моим губам.

«Ты мудака. И гад. И сволочь».

«И я тебя бросила».

«А ты меня не забыл...».

Я стою секунду - просто стою, не двигаюсь - а потом руки сами поднимаются вверх, ложатся на его плечи, и что-то внутри отпускает. Просто отпускает. И я отвечаю. Целую его так как когда-то. Без сомнений и переживаний. Просто губы, просто плечи, просто большое сильное горячее мужское тело.

Мы целуемся жарко. Просто мужчина и просто женщина. Без прошлого и будущего. Просто сейчас.

А потом он подхватывает меня и переносит на стол. Тянет мою футболку, обнажая грудь. Гладит, припадает жаждающими губами. Я откидываю голову назад и прикусываю губу, чтобы не застонать.

Он спускается ниже. Я приподнимаюсь, и он сдергивает мои спальные шортики. Я закрываю глаза.

- Смотри на меня, - рычит.

Я подчиняюсь. В полумраке его глаза темные, почти черные.

- Рус, - выдыхаю.

- Смотри на меня, Чашина!

Его взгляд пронзает насквозь. Как будто он видит что-то, что давно хотел рассмотреть как следует.

Мое дыхание окончательно сбивается.

- Хочешь? - выдыхает.

Я молчу, но ему и не нужно слов. Он итак все видит. Его руки - те самые руки, которые я так хорошо помню - медленно двигаются по моему телу. Его торс горячий и влажный. Его движения точные. Он знает... он помнит... Он все знает и все помнит.

«Боже, боже, боже... Да! Еще, еще...».

Но он не торопится - будто намеренно растягивает каждое прикосновение, каждый поцелуй, каждое движение: гладит, целует, проводит языком, прикусывает губами.

Но он пока еще не со мной. Пока еще не во мне.

- Рус, - почти умоляю. - Рус...

- Что.

- Ты... ты...

- Скажи, - почти приказ.

- Да. Да! Да!! Да!!!

Он смотрит на меня. И в этом взгляде что-то темное, очень-очень темное. Не месть. Что-то больше мести. А потом наклоняется. Губы у виска - едва.

- Я хочу, чтобы ты помнила, - шепчет. - От чего ушла.

«Вот оно».

«Вот оно что».

Я моргаю. Пролетает мысль, что нужно обидеться. Нужно оттолкнуть. Собрать свои валяющиеся тряпки и сказав какую-нибудь гадость уйти....

Вместо этого я притягиваю его.

Ближе.

И он - наконец, без этой своей мучительной неторопливости - дает мне то, за чем я его притянула.

Мы двигаемся как один организм. Как одно живое существо, соединенное самым интимным и самым жарким способом. На столе, потом на барном стуле, потом у него на руках. Быстрее-быстрее-быстрее. Я кричу. Кричу во весь голос. Перестав чего-либо стесняться или

бояться. И отдаюсь ему на всю глубину моего жаждущего любви тела. А он рычит, вколачивая в меня свои обиды, месть, злость и... может быть... любовь?

Горячая волна ближе-ближе-ближе. Он как будто чувствует. Ускоряется.

Еще удар. Еще. Еще!

И... мое тело сжимается, а потом из низа живота поднимается и захлестывает каждую клеточку долгожданное цунами, смывающее на своем пути все мысли, все сожаления, все сомнения. Оставляя – пусть на несколько секунд – только ощущение бесконечного покоя и гармонии.

- Как же хорошо, - шепчу я. – Как же...

А потом открываю глаза и натыкаюсь на спокойный, неподвижный взгляд.

- Поздравляю, - ухмыляется. - Ты свою часть сделки выполнила...

Представлю вам еще один роман нашего Литмоба «Бывшие. Месть негодяю!»

Мия Петрос. "Предатель. Мы больше не твои"

"Ради сына я найду в себе силы жить и возможно снова поверю в любовь!"

https://litnet.com/shrt/C_cu

Глава 13

Я медленно опускаюсь на пол. Нахожу майку и шортики. Натягиваю, поворачиваюсь
- Больше ничего не должна?

Он присаживается на край стула. Брюки уже поправил. Футболка где-то валяется. Но кажется ему пофиг.

- Пара выездов, - ровно, спокойно. - Подписание контракта. Завтра в четыре. Хочу, чтобы ты была рядом. И благотворительный вечер.

- Все?

- Можешь еще на меня работать. За гонорар.

- За гонорар, - повторяю.

- Тебе же платят за работу.

- Платят.

- Ну и отлично.

Он говорит это как будто у нас деловые переговоры где-нибудь в конференц-зале. С видом человека, у которого все идет по плану.

«По плану».

«У него план. У меня был план. Где мой план».

- А жить? - спрашиваю я. - Могу у себя?

- Как хочешь.

Два слова. Никаких эмоций.

Он смотрит на меня еще секунду. Потом разворачивается и уходит из кухни. Я слышу его шаги по лестнице. Ровные. Неспешные. Я стою посреди кухни. В белье. Оттраханная и... опять брошенная?

«Ты свою часть сделки выполнила».

В душе горячо - я кручу воду до упора, до красного, стою под струей и смотрю на плитку.

«Что это вообще было?»

Ночь. Кухня. Разговор.... Поцелуй... А потом. Потом я - умная, ироничная, с планом, сделкой и стратегией - немедленно позволила поднять себя на кухонный стол.

«Молодец, Маруся».

«Стратег».

Вода течет. Пар поднимается клубами. Горячо. Но мне сейчас нужно. Чтобы смыть...

«Смыть что? То что тобой пользовались?».

Вот оно как значит. Значит это и была сделка. Я - часть. Стол - место исполнения. Все чисто, все довольны, завтра подпишем бумаги.

Ярость накрывает волной.

«Я что, проститутка теперь?»

Стою под водой.

«Нет», - говорю я себе. - «Ты не проститутка. Ты дура. Это разные вещи».

«Дура, которая не подумала на что идет».

«Которая сама пришла».

«Которая сама потянулась».

«Все бабы дуры».

Вода становится нестерпимой. Выключаю ее. Стою в тишине, в пару.

«А на что ты злишься-то?»

На него? Он с самого начала сказал: хочу тебя. На себя? Бессмысленно...

- Да пошло оно все, - фыркаю я. Громко. Вслух. – Пошло оно!

Засыпаю быстро - секс и злость хорошо выматывают.

Утром его нет.

В доме - тишина, только Василий маячит во дворе. На барной стойке - листок. Обычный листок из блокнота, ровный почерк:

«Василий отвезет. В четыре жду у себя в офисе - Р.»

Я смотрю на эту записку.

«Р».

«Даже не Рус. Буква».

Я складываю листок. Убираю в карман - не знаю зачем. Делаю завтрак и чай. Ем. Смотрю на яблони.

- Все нормально, - говорю я себе. - Пора на работу.

До Москвы едем молча - Василий смотрит вперед, я смотрю в окно. Где-то на МКАДе начинается.

Сначала просто нехорошо - слегка, как будто покачивает. Потом сильнее. Потом я понимаю, что если мы не остановимся в ближайшие три минуты, то мне будет очень неловко на заднем сиденье велеховской машины.

- Василий.

- Да.

- Можете остановиться пожалуйста.

Останавливаемся. Вылетаю из машины. Дышу. Дышу. Дышу. Вроде попустило. Забираюсь обратно.

- Укачало?

- Угу.

- Водички?

- Спасибо. Не надо. А можете меня не в офис, а по другому адресу?

- Домой? - смотрит в зеркало - один быстрый взгляд.

- Нет, на Вернадку. А дальше я покажу...

Он стартует. Я открываю окно. Откидываюсь на спинку и закрываю глаза. Дышу. Вдох-выдох.

«Ничего страшного», - думаю я в сторону живота. - «Это просто токсикоз. Это нормально. Ты строишься, я терплю».

Клиника чистая, тихая, с мягкими креслами в коридоре. Я тут давно наблюдаюсь. И – о чудо – мой врач сегодня принимает! На ресепшене мне говорят, что запись у нее полная, но я отвечаю, что беременность, ранний срок и мне плохо. Девушка охает и лично провожает меня к Марине Игоревне. Через десять минут от нее выходит пациентка и я влетаю в кабинет.

- Маруся? – поднимает очки на лоб. – Но ты не записана. И была недавно...

- Да, но... тут такое дело...

Она щурится, а потом на лице расцветает улыбка.

- Это то, о чем я думаю? – тихо, радостно.

- Тест положительный, - я сажусь напротив. – Но меня сегодня страшно укачало в машине. А вчера... вчера у меня было... была близость. Очень интенсивная.

- Папочка порадовал мамочку?

Я морщусь. Марина – классная тетка. И врач отличный. Но иногда как ляпнет.

- Так, - она надевает на лицо маску доктора. – Узи, анализы. Сейчас все выпишу. Всех обойдешь, потом ко мне!

В кабинете УЗИ врач - женщина лет сорока, спокойная, с усталыми добрыми глазами.

- Первая? - спрашивает она.

- Да.

- Отец с вами?

- Нет.

Она кивает - без осуждения, просто фиксирует.

- Ложитесь.

УЗИ холодное - гель, датчик, темнота аппарата. Я смотрю в потолок и жду. И тут. Сначала я не понимаю, что это - просто звук, ритмичный, быстрый, как будто кто-то маленький очень торопится куда-то.

- Вот, - говорит врач. - Слышите?

Слышу. Я лежу и слушаю это сердцебиение - быстрое, четкое, живое - и что-то внутри меня очень тихо и очень серьезно встает на место.

- Все в порядке? - спрашиваю я.

- Все хорошо, - говорит она. - Срок небольшой. Вам нужно беречь себя. Меньше стресса, правильно питаться, высыпаться.

- Угу, - говорю я.

«Меньше стресса».

«Внесла папашу в черный список, поселилась в загородном доме чужого мужика, потра- халась на кухонном столе...»

«Ну а что. Работаю над этим».

После УЗИ кровь. Много. Три большие пробирки. Голова начинает кружиться.

- Посидите тихонечко, - медсестра обеспокоенно смотрит. – И все пройдет.

Пять минут, и я возвращаюсь к Марине. Витамины, наблюдение, плановые визиты, кон- тракт на ведение... Я киваю. А сама думаю о том, что только что слышала.

Быстрое, четкое, живое.... Живое!

«Это было твое сердце. Ты уже есть».

«У нас с тобой все будет хорошо. Я обещаю».

Представлю вам еще один роман нашего Литмоба «Бывшие. Месть негодяю!»

Мелони Грит "Измена. Я буду отомщена"

"Он бросил меня ради дочки босса, чтобы занять должность повыше, и я ему это не прощу!"

<https://litnet.com/shrt/ixXR>

Глава 14

В офисе Руса все как всегда - тихо, деловито, строго. В переговорной светло. Длинный стол, кулер, люди в пиджаках. Рус во главе. Смотрит на меня, когда я вхожу - коротко, спокойно - и кивает на кресло рядом. Сажусь.

Журналист устраивается в углу с камерой. Щелкает - пристреливается. Я улыбаюсь. В нужную сторону, с нужной интенсивностью. И думаю о том, что неделю назад я сидела в машине и смотрела на имя «Велехов Р.» в телефоне. А теперь сижу рядом с Велеховым Р. на подписании контракта, который возможно несколько осложнит жизнь Алексею.

«Точно осложнит – точно».

Подписание идет как подписание. Бумаги, ручки, короткие реплики юристов. Рус подписывает. Партнер жмет ему руку.

- Можно фото? - журналист оживает.

Встаем у окна. Рус, я, партнер. Журналист командует куда смотреть. Рус кладет руку мне на спину. Я чуть вздрагиваю.

«Ты свою часть сделки выполнила».

Откашливаюсь. Сейчас нужно думать о том, что скоро эта новость и фото будут на сайте. Улыбаюсь в камеру.

«Добрый вечер, Лешенька», - улыбка становится чуть шире.

- Отлично, - одобряет фотограф.

После подписания Рус провожает партнера. Я сажусь в кресло. Жду. Пять минут, он возвращается.

- Я домой, - встаю.

Он смотрит на меня секунду.

- Хорошо.

Ни «зачем», ни «подожди». Просто - хорошо.

- До благотворительного вечера, - говорю я.

- Да.

Лифт. Первый этаж. Выхожу на улицу. Делаю глубокий вдох.

«Вот и все. Контракт подписан. Я все сделала».

Только вот ни радости, ни удовлетворения почему-то больше нет.

Дома я через сорок минут. Захожу, раздеваюсь. Открываю ноутбук.

«Велехов подписал крупный медиаконтракт. Эксклюзив».

Фото - рукопожатие, официально. И второе - мы у окна. Рус смотрит чуть в сторону, я улыбаюсь. Его рука у меня на спине. Подпись: «Велехов на подписании с неизвестной спутницей».

«Неизвестная спутница».

Я закрываю ноутбук. Иду на кухню. Щелкаю чайник. Стою и смотрю как он закипает.

«Какой странный день».

Рус и контракт. А утром - клиника. Датчик. Звук - быстрый, ритмичный, живой.

«Слышал?» - думаю я в сторону живота. - *«Мы подложили твоему папе свинью. Только ты так не делай, ладно? Это... не очень хорошо. Хотя и приятно».*

Чайник дзинькает. Наливаю. Кипяток. Пить пока точно нельзя. Тянусь за телефоном.

Мама берет после третьего гудка.

- Маруся?

- Привет, мам.

- Ты как?

- Да все нормально, - Я хожу по кухне. - А у вас?

- Как обычно. Огурцы засолила. Папа помидоры дозревать поставил на подоконник - всю кухню занял. Вы когда к нам заедете? Давно не были.

- Я думала на выходные.

- Вот и отлично. Леша может помочь папе полку прибить. Мы новые полки купили. Такие красивые. И недорого получилось...

- Мам, - перебиваю. - Мы расстались.

- Ох, - я слышу, как звук телевизора удаляется.

«Не хочет при папе обсуждать».

- Доченька... Когда?

- Недавно.

- Маруся...

- Все нормально, ма. Я справляюсь, - сажусь на табуретку.

- А что случилось?

- Да так, - запускаю руку в волосы. - Ничего серьезного...

«Вы мне не нужны, липучка».

- Маруся! - строго. - Как это ничего серьезного? Я думала...

- Да и я думала, ма, - перебиваю. - Но... просто так получилось.

Она молчит секунду. Две. Пять. Я слышу, как она дышит - чуть часто, как всегда когда волнуется.

- Приезжай домой, - говорит она наконец.

- Обязательно. Вот разберусь тут... кое с чем... и приеду.

- Кое с чем, - повторяет она. - А с чем?

«Мам, я беременна. И я не знаю, что делать. И мне страшно. И я сижу тут одна с чайником и ромашкой».

- Да навалили по работе, - говорю вслух. - Разгребусь и в выходные заеду.

- Хорошо, - вздыхает.

- Хорошо.

- Доченька.

- Да?

- Я люблю тебя.

Горло перехватывает.

- Я тоже, - говорю я. - Папе привет.

Вешаю трубку. Сажу на табуретке.

«Потом расскажу».

«Потом».

«Лично».

«Когда немного разберусь».

Кладу телефон на стол.

«Ванную что ли принять?».

Встаю, делаю шаг. Звонок в дверь - резкий, нетерпеливый.

«Рус?»- мелькает. - *«Зачем Рус?»*.

Иду. Открываю.

На пороге Алексей. Белая рубашка, растрепанные волосы. Лицо красное - то ли по лестнице бежал вверх, то ли от злости.

«Бесится. Точно».

- Это ты, - рычит.

- Наблюдательно, - фыркаю.

- Ты подстроила, - он делает шаг - я не пропускаю, стою в дверях. - Лиана устроила мне истерику. Визжала как резаная. Ты знаешь, что это такое - когда на тебя орут целый час?

- Ох... бедненький!.

- Ты... Ты! Ты тварь! А я-то еще думал – и чего она с ним тогда на презентации обнималась. Сука, как ты могла сделать такое?

- Леш, - говорю я спокойно. - Я не обязана тебе ничего объяснять. И с кем я обнимаюсь – не твое дело. Ты мне никто.

- Никто?! - орет. - Два года! Два года - и вдруг никто?!

- О. Вспомнил про два года? Ничесе. Но вообще-то это ты. Ты отменил наши два года. Ты сам так решил. Примерно тогда, когда сказал «не мои проблемы».

Он смотрит на меня.

- А этот твой Велехов... он знает? - говорит он тише, и в голосе появляется что-то нехорошее. - Знает, что ты беременна?

Я молчу.

- Или... это вообще... не мой ребенок? - глаза сужаются. - Ты с ним трахалась еще тогда? Пока мы были вместе?

- Серьезно?

- А почему нет? - голос ровнее, злее. - Мы... когда мы с тобой познакомились... ты на него работала. И... может не просто работала? Ты что... все эти два года... с ним?!

Я делаю глубокий вдох.

- Это. Не. Твое. Дело, - повторяю буквально по слогам.

- Еще как мое! – выплевывает. - Я хочу знать! Ребенок мой?

- Теперь тебе интересно про ребенка? Ну делааа....

- Сука!

Все, Леш, - я берусь за ручку двери. - Разговор окончен.

Он подставляет плечо, держит.

- Ты еще пожалеешь, - тихо, шепотом, почти шипит. - Я тебя уничтожу, Чашина. Ты меня знаешь - я умею.

Я смотрю на него. Лицо перекошено, губы дрожат. Щеки покрыты красными пятнами.

«Господи, и вот этого мудака я любила? Вот этого мерзкого, мелочного, тупого мудака?».

- До свидания, Алексей, - говорю я.

Он пялится. И мне кажется, что он сейчас меня ударит. Я инстинктивно вжимаю голову в плечи. А он прикрывает на секунду глаза, а потом делает шаг назад.

Закрываю дверь. Стою в прихожей. Облокачиваюсь на стенку. Коленки дрожат. Мелко, противно. Он стоит за дверью. Дышит. Что-то бурчит. Потом шаги по лестнице.

Ушел.

Я сползаю спиной по двери - медленно - и сижу на полу в прихожей.

«Уничтожу?».

«Охренеть...».

Глава 15

Босс вызывает меня в пять. Я иду в его кабинет с ноутбуком и мыслью что это про квартальный отчет. Или про питерского клиента - у нас там зависло согласование.

Увы. Это не про отчет и не про Питер.

Виктор Сергеевич сидит за столом с видом человека, которому неловко, но деваться некуда. Это я замечаю сразу - по тому, как он не смотрит мне в глаза, когда говорит «садись». За два с лишним года я научилась читать его по первой секунде.

Сейчас первая секунда говорит: плохо. Сажусь. Кладу ноутбук на колени. Жду.

- Маруся, - говорит он. - У нас ситуация.

- Да?

- «Промстрой». Помнишь этот тендер?

Помню. Еще бы не помнить. Два месяца - стратегия, презентации, три раунда правок. Я лично переписывала питч четыре раза. Большой клиент. Хороший бюджет. Мы почти дожали.

- Они уходят.

Что-то холодное прокатывается по спине.

- Ну то есть собираются уйти в «Медиалайн», - продолжает он. - Их владелец - Дмитрий Аркадьевич Сомов. Давний приятель медиамагната Геннадия Боркова.

Прерывается, наконец -то смотрит прямо на меня. Молчу. Моргаю.

- Сомов позвонил мне сам. И сказал, что этот Борков попросил его об услуге...

В горле ком. Сглатываю.

- Маруся, мы работали дав года. Ты хороший специалист. Один из лучших, - Виктор Сергеевич откидывается на спинку стула. Голос ровный, но я слышу в нем не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.